

В. С. Флёров
Москва

Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюд к теме фортификации)

Памяти
Александра Вильямовича Гагло

При реконструкции истории нижнедонского региона Хазарского каганата основным фактором едва ли не до конца XX в. был Саркел. Это относится как к историческим, так и археологическим исследованиям¹. Причин такого положения в отечественной историографии было много. Первая состояла в том, что в самом начале русского летописания Саркел оказался прочно связанным с именем Святослава. Взятие Саркела рассматривалось как одна из крупных военно-политических акций киевского князя, приведшая к пресловутому «крушению» Хазарии. Не удивительно, что в честь взятия Саркела двести лет назад была выбита памятная медаль, наряду с другими, посвященными более значимым событиям русской истории. Сейчас можно констатировать, что взятие Саркела было самым заурядным эпизодом, а маршрут, хронология и все обстоятельства восточного похода Святослава остаются предметом бесконечной дискуссии, окончание которой не предвидится. Дискутируется не только дата взятия Саркела. Недавно предложена новая дата постройки Саркела: весна—лето (!) 840 года [Науменко 1997, 59]. Довольно трудно представить, как все подготовительные работы и само строительство Саркела были проведены за столь короткий отрезок времени. М. И. Артамонов полагал, строительство продолжалось «не один год» [Артамонов 1958, 27].

В XIX — начале XX вв. Саркел становится главным объектом поисков на Нижнем Дону. Все прочие памятники хазарской эпохи изучаются в русле этой проблемы или попутно. Характерно название статьи известного донского краеведа Х. И. Попова «Где находилась хазарская крепость Саркел?» (1895). Споры, как известно, продолжались вплоть до начала раскопок М. И. Артамонова на Левобережном Цимлянском городище в 1935 г.

Интерес исключительно к Саркелу имел и другую, даже более значительную причину, чем простое упоминание в русской летописи, — это была единственная хазарская крепость в бассейне Дона, название которой вообще сохранилось. Мало того, византийская историография донесла до нас и краткие сведения об участниках и самом строительстве крепости. Уникальный случай для каганата.

Таким образом, внимание к Саркелу вполне понятно, но оно же повлекло и отрицательные последствия, вплоть до составления ложных реконструкций событий хазарской истории. Здесь необходимо сделать важную оговорку: не следует

¹ Здесь и далее я, по возможности, буду избегать ссылок на хорошо известные и часто цитируемые источники и труды.

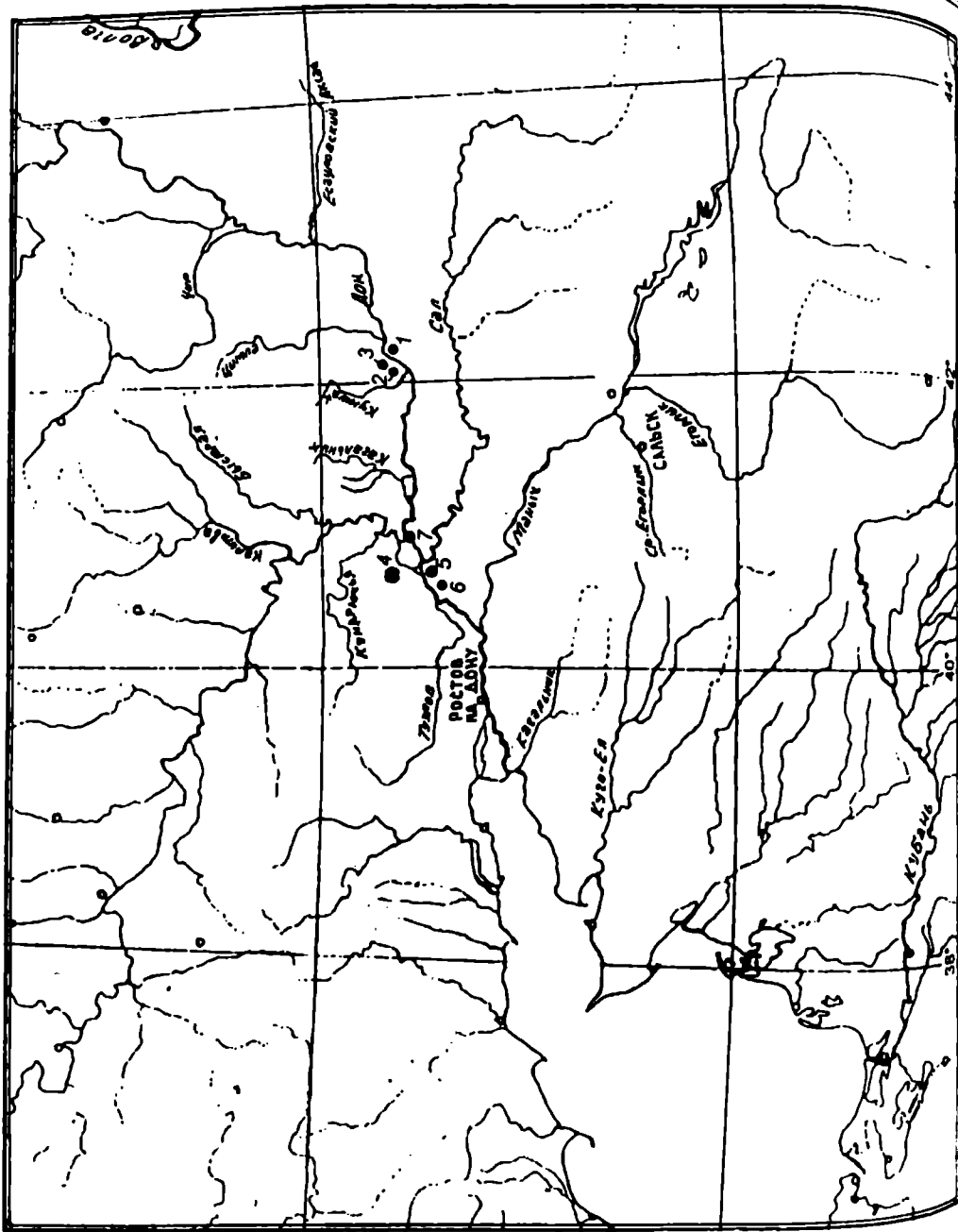

Рис. 1. 1 — Саркел; 2 — Правобережное Цимлянское городище; 3 — Камышевское городище; 4 — Крымский комплекс; 5 — Семикаракорское городище; 6 — Карповка, городище (?); 7 — остр. Куркин, Золотовское городище

путать несущественное значение Саркела в истории Хазарии с его значением как археологического памятника, давшего громадный объём информации — эталонной при исследовании прочих памятников каганата, не только Нижнего Дона. Изучение и публикация материалов раскопок Саркела далеко не завершены, они продолжают нуждаться в пересмотре. Потенциал археологических данных Саркела далеко не исчерпан.

Вторым по частоте упоминания памятником Нижнего Дона является Правобережное Цимлянское городище. Крепость стала известна одновременно с Саркелом и в связи опять же с поисками последнего [Попов 1985; Сизов 1889]. Археологическая судьба Правобережного городища оказалась менее удачной, нежели Левобережного. Не продолжил свои успешно начатые на нём в 1939 г. раскопки И. И. Ляпушкин [Ляпушкин 1940], а публикации раскопок С. А. Плетневой и В. С. Флёрова появились лишь в конце XX в., причём с различной интерпретацией результатов [Плетнёва 1995; Флёров 1995; 1996]. М.И. Артамонов предпринял первые и очень осторожные шаги в реконструкции истории крепости ещё за три десятилетия до этих публикаций [Артамонов 1962, 322—323]. Особое значение имеет ещё более ранний вывод М. И. Артамонова о том, что на месте крепости никогда не существовало неукрепленное поселение [Артамонов 1935, 85].

* * *

Итак, всё внимание исследователей многих поколений было сосредоточено исключительно на этих двух крепостях — преимущественно на Саркеле, в меньшей степени на Правобережной крепости. Среди прочих памятников изредка, но исключительно в археологическом аспекте, привлекалась Семикаракорская.

С Саркелом связаны многолетние дискуссии о цели её постройки, в ходе которых шел поиск преимущественно внешних врагов, но почти забывались внутренние проблемы каганата. Что касается М.И. Артамонова, то он писал: «Саркел был выстроен не на речной, а на сухопутной дороге при переправе через реку и был призван укрепить пошатнувшееся положение хазар в их западных и северо-западных владениях, куда вела эта дорога из центра Хазарии — Итиля на Нижней Волге» [Артамонов 1962, 299—300]. В качестве одной из угроз автор называл венгров. Так или иначе, по М. И. Артамонову, Саркел возникает как военная база для контроля за окрестностями. По поводу Правобережной Цимлянской крепости окончательного мнения у М. И. Артамонова не сложилось. Её разрушение он предположительно связывал с внутренними конфликтами. Впрочем, и сегодня неизвестно, кто разрушил крепость. Раскопки ответа не дают.

Дискуссии продолжают. Версий по разным поводам предложено много. Удивляет другое, а именно: все внутренние и внешние коллизии истории Нижнего Дона в VIII—X вв. обсуждались и продолжают обсуждаться исключительно в связи только с этими двумя рядом расположенными крепостями.

В литературе не затрагивался вопрос о том, как в целом осуществлялся контроль за ситуацией на Нижнем Дону. Существовала ли какая-либо система укреплений? Если да, то как она складывалась и трансформировалась? Если задуматься над этими вопросами, то уже до получения ответов станет ясно, что ни Саркел, ни Правобережная крепость при всём совершенстве их фортификации с задачей контроля над обширным регионом справиться не могли. Не могли

только они быть и опорными пунктами для всего Нижнего Подонья, вплоть до Азовского моря.

Саркел же, безусловно, был и административным центром. Вероятно, и одной из ставок кагана. В целом же нельзя сводить его строительство к какой-то исключительно одной цели. Не следует также забывать, что излучина Дона — это глубокая, внутренняя территория каганата, а отнюдь не пограничье, где основной опасностью была внешняя.

Так что же остальная территория Нижнего Дона, вплоть до Приазовья? Данный вопрос до настоящего времени специально не рассматривался. Описывались лишь отдельные памятники, причем исключительно как памятники археологические, но не памятники истории Хазарского каганата. Именно в таком традиционном (если не сказать узком) аспекте некоторые крепости упоминает С. А. Плетнёва в итоговой монографии, не предложив какого-либо историко-археологического обобщения их появления [Плетнёва 1999, 85—116]. Это всё те же Саркел, Правобережная Цимлянская крепость и близлежащие городища Карнауховское и Среднее, подробно описанные ранее И. И. Ляпушкиным. Кроме них, С. А. Плетнёва приводит краткие сведения о Семикаракорской крепости (с рядом неточностей) и Крымском городище.

Атрибуция памятников Карнауховского и Среднего на р. Котлубанке как серьёзных укреплений (городищ по археологической классификации) вряд ли допустима. Их рвы узкие (2,6 и 2,5 м) и мелкие (2,4 и 1,0 м), валы невысокие (сохранились на высоту не более 1,0 м). Деревянных конструкций на валах не было [Ляпушкин 1958а, 256—257, 1958б, 303—304]. Таким образом, Карнауховскую и Среднюю из списка крепостей надо всё-таки исключить. Для них более пригодное определение — укрепленные поселения. Однако заметим, что возведение пусть даже примитивных фортификационных сооружений указывает на то, что их население не чувствовало себя в безопасности, хотя находилось в непосредственном соседстве с Саркелом. Чего опасались? Скорее всего, стычек с соплеменниками, так как от нашествия чужих орд такие укрепления защитить не могли.

Справедливым будет отметить, что изучение нижнедонских крепостей Хазарского каганата тормозилось рядом обстоятельств. Одно из них нельзя отнести к совершенно оправданному. Как ни странно это покажется, по берегам Дона, от Саркела и до устья, никогда не проводились целенаправленные разведки с целью их обнаружения, как и любых других памятников салтово-маяцкой культуры. Узкая полоса вдоль Дона, преимущественно по его правому высокому берегу, обследовалась на немногих участках и преимущественно специалистами по более ранним эпохам. Левый берег практически не изучен. Не обследовалось и большинство притоков, в частности течение р. Маныч, а также Северский Донец в пределах Ростовской области. Исключение составляет р. Сал (левый приток Нижнего Дона), сплошная разведка по обоим берегам которого до р. Куберле была проведена в 1965 г. С. А. Плетнёвой. Что касается многочисленных работавших и работающих ныне на Нижнем Дону и его притоках новостроечных экспедиций, то их интересуют прежде всего курганы².

² В последние годы внимание к так называемым охранным раскопкам курганов в Ростовской области, охватывающей нижнее течение Дона, объясняется не только стремлением к исследованию их до уничтожения разного рода строителями, но и меркантильными интересами. Не редки случаи, когда археологические организации включают в проектную документацию курганы, которым ничего не грозит, увеличивая собственный доход. Археология тем самым превращается в нечистоплотный «бизнес», способствуя уничтожению и без того гибнущих курганов.

Заранее установленный объём публикации позволяет дать лишь краткий обзор некоторых памятников с комментариями по отдельным вопросам. Должен указать, что ростовский археолог П. А. Ларенок уже составил предварительный список нескольких городищ Нижнего Дона [Ларенок 2001] и далее я буду к нему обращаться с некоторыми замечаниями. Первое из них: не совсем понятно, почему нижней датой городищ указан X в., ведь большинство из них возникло раньше, в том числе Правобережное Цимлянское и Саркел (возможно, опечатка, в публикации их много).

Обзор начну с памятников сырцово-кирпичной фортификации.

Саркел. Коснусь только мнения С. А. Плетнёвой о «караван-сараях» [Плетнёва 1996]. Главное возражение против него: сомнительно отводить под караван-сарай почти треть самой совершенной крепости каганата, для проектирования и строительства которой были приглашены чужеземные специалисты. Рискну напомнить о веренице из восемнадцати торговых помещений у южных ворот современного Саркелу Великого Преслава [Ваклинов 1977, 184; Чангова 1957]. Они почти аналогичны саркельским, только вот примыкали к крепостной стене *снаружи!*

Сам запрос, направленный в Византию, недвусмысленно свидетельствовал о намерении строить крепость, но никак не гостиничный двор [Продолжатель Феофана, 1992, III, 27]. Во-вторых, средневековые караваны в целях безопасности (вспомним злоключения Ибн-Фаддана) составлялись целыми компаниями купцов. В таких караванах были десятки и сотни людей, животных, в том числе запасных; нанималась вооруженная охрана. Помимо товаров, везли дорожные припасы. Какую часть этой массы могли вместить десять помещений? С. А. Плетнёва пытается найти выход и предлагает наличие вторых этажей — для размещения людей, а первые этажи «отводит» под складирование товаров. Небольшой же «закуток» в здании I даже предположен как лестница на второй этаж, но данных для реконструкции зданий в два этажа нет никаких. Тот же угловой «закуток» в другом варианте реконструкции — «гостевая комната» [Плетнёва 1996, 38, 52]. Если же они были одноэтажные, то должны были сохраниться хотя бы какие-то следы очагов (даже при перекопанности слоя), но их нет.

Сомнение вызывает буквально всё описание предложенной исследовательницей реконструкции «караван-сарая». Я имею в виду назначение каждого из помещений зданий I и IV, а также появление в них культовых ям. Так, сомнительно толкование разрозненных костей женщины и головы ребёнка в качестве оберега комнаты 5 здания I, если считать его гостиницей [Плетнёва 1996, 36—37]. Всё это требует отдельного подробного разбора.

Стоит обратить внимание и на практически полное отсутствие в слоях Саркела (как в Хазарии вообще, см.: [Равич, Флёров 2000]) восточных импортов, которые могли бы оседать в крепости после каждого очередного каравана.

Надо признать, что С. А. Плетнёва не настаивает на каждой детали своей реконструкции, но в совокупности они привели к обобщению, выраженному в названии всей книги, а это уже вывод — «Саркел и Шелковый путь».

В целом сама чрезвычайно плохая сохранность рассмотренных зданий оставляет мало надежд на достаточно убедительное определение их предназначения. К тому же оно могло и меняться. Я весьма осторожно отнес бы их к складам, в которых хранились запасы самого гарнизона — продовольствие, оружие, снаря-

жение, запасы сырья. Менее всего холодные кирпичные помещения подходят для постоянного жилья.

Основное назначение Саркела — опорный пункт, база, ставка каганата. Это не вызывает сомнений, но надо полностью пересмотреть её значение как крепости. В степях ни одна крепость не была в состоянии остановить никакого противника. Размеры Саркела мизерны, гарнизон не мог быть большим, чтобы осуществлять эффективные вылазки. Действенным Саркел мог быть только при наличии большого и активного полевого войска.

Ещё один вопрос: в состоянии был ли Саркел выдерживать долгую осаду после потери первой оборонительной линии валов и при отсутствии полевых сил? Весьма сомнительно при его размерах и небольшом гарнизоне. До некоторой степени Саркел (как и другие нижнедонские крепости) спасало неумение населения восточноевропейской степи строить осадные и стенобитные машины. Во всяком случае, сведений о них нет. Показательно, что даже в Первом Болгарском царстве, на практике «общавшемся» с византийской осадной техникой, собственные осадные машины появляются только в начале IX в. при Круме [Рашев 2001, 97].

Семикаракорская крепость. Недавние публикации избавляют от необходимости её описания [Флёров 2001а; 2001б]. Напомню, что это крупнейшая из известных в Хазарии сырцово-кирпичных крепостей. Её стены возведены из сырцовых с включением обожженных кирпичей. В цитадели же находились здания исключительно из обожженных кирпичей.

Сегодня трудно представить, почему на протяжении многих десятилетий появление кирпичного строительства на Нижнем Дону изучалось без привлечения этого выдающегося памятника. Исключение — ряд метких наблюдений в трудах М. И. Артамонова. Сказалась определённая инерция мышления, когда всё внимание было и остаётся сосредоточенным на Саркеле. И это при том, что Семикаракоры прекрасно сохранились и площадью превосходят Саркел более чем в два раза. Соответственно 43 000 и 20 803 кв. м, или 4,30 и 2,08 га³. Эта крепость могла вместить несравнимо больший гарнизон и значительные запасы.

Обращение к Семикаракорам требует полного пересмотра причин появления и роли Саркела и выяснения связи обеих крепостей в историческом плане и как объектов археологического исследования. По сути, эти проблемы надо решать заново.

Первый возникающий вопрос: какова относительная хронология двух памятников? Предварительные ответы могут быть пока лишь намечены. У меня почти нет сомнения, что обе крепости не могли строиться одновременно. Для региона это была бы большая нагрузка прежде всего на людские ресурсы. Петрон Кама тир непременно днёс бы императору столь важную информацию о сооружении второй крепости, превосходящей Саркел. Но ни у Продолжателя Феофана, ни в других источниках не содержится и намёка на это. Остаются два варианта — «до» и «после». «После» — сомнительно, так как ни для отражения внешних вторжений (печенеги, венгры) или подавления внутренних центробежных сил строительство крепости не могло быть реакцией быстрого реагирования. Для этого как раз крепость нужна была менее всего.

³ П. А. Ларенок указывает неверные параметры крепости и её цитадели [Ларенок 2001, 93]. По моим данным, примерно 200×250 м, цитадель — 80×85 м.

Более вероятно сооружение Семикаракорской крепости ранее Саркела, когда каганату потребовалась административная и военная база для укрепления на Нижнем Дону. Семикаракоры действительно построены в самом центре нижнего течения Дона, почти на равном удалении как от излучины, так и от устья.

Есть ещё одно соображение, заставляющее отдать предпочтение варианту «до». Семикаракоры более архаичны по большинству основных признаков и прежде всего по планировке по системе «квадрат в квадрате». Стены её тоньше саркельских (в пределах 2,5 м) и возведены из сырцовых кирпичей. При отсутствии осадных машин материал и толщина стен особого значения не имели, но требовали большего и постоянного ухода. Использование сырцов может объясняться и экономическими причинами, и фактором времени. Не было и фундаментов, впрочем, как и в Саркеле.

При сравнении фортификации и строительных приёмов Семикаракор и Саркела ясно видно, что они построены в различных традициях. Семикаракоры — в древней «азиатской», что отражено в её планировке. Вероятно, отсюда и желание кагана пригласить византийских проектировщиков для создания более совершенной крепости, какой стал Саркел. Но мне кажется, что основным мотивом для кагана был престиж, ведь появление ещё одной маленькой крепости не могло сколько-либо существенно повлиять на военную обстановку в регионе, о чём уже говорилось.

Что касается военного значения Семикаракорской крепости, то хотя она обширнее Саркела, сама по себе она также не могла служить серьёзным препятствием для движения противника. Мало того, крепость нуждалась в дополнительной защите. Именно по этой причине её построили на небольшом всхолмлении в окружении низины, прорезанной протоками и заливаемой весенним половодьем на десятки километров. Малопроезжимой её делали и дожди (до сих пор обширные пространства левобережья Нижнего Дона заболочены). Примечательно и расположение крепости. Она стоит в нескольких километрах от берега Дона, с которого едва просматривается. Таким образом, о каком-либо контроле за движением по реке или её берегам говорить не приходится. Наоборот, всё предусмотрено, чтобы крепость была менее заметна на местности и малодоступна. Другими словами, длительная самостоятельная оборона не предполагалась изначально. В итоге, её предназначением остаётся признать то же, что и Саркела, т. е. административный пункт, база для полевых войск и запасов снаряжения и продовольствия. Запасы были нужны и для визитов кагана и его сопровождения.

Можно предположить, что примененный в Семикаракорях строительный материал — квадратные сырец и кирпич (25×25×5 см), почти аналогичный по размерам саркельским (ранняя серия — 24×24×5 см), позволяет ставить вопрос о том, что крепость была и ставкой кагана. Во всяком случае, категорическое утверждение С. А. Плетнёвой — «...ясно, что Саркел — единственный (выделено мною. — В.Ф.) исследованный археологический памятник, принадлежность которого собственнно хазарам (их властелинам) не вызывает сомнений» [Плетнёва 1996, 15] — вызывает более чем сомнение. Ещё М. И. Артамонов писал о Семикаракорском городище как, «по всей вероятности, представляющем собою хазарскую же (выделено мною. — В.Ф.) крепость, построенную с той же целью, что и Саркел...» [Артамонов 1958, 100].

Возвращаясь к вопросу о времени строительства Семикаракорской крепости, я совершенно не исключаю, что, будучи построенной ранее Саркела, она какое-то время могла сосуществовать с ним⁴.

Среди материала, найденного в Семикаракорях, особое место занимает черепица (*керамиды и калиптеры*), служившая для покрытия кирпичных построек цитадели [Флёров 2001б]. Естественно, это заставляет ставить вопрос о её производстве и участии в её изготовлении приглашенных мастеров. О последнем судить трудно. Если говорить о прототипах, то они позаимствованы или непосредственно у византийцев, или наверняка в Крыму, где производство черепицы носило массовый характер, в том числе в Херсонесе⁵. Отмечу, что на сегодня ни в одном другом городище степной Хазарии применение черепицы не зафиксировано. Удивляет, что не нашла она применения и в Саркеле. Последнее наводит на мысль, что миссия Петроны и его спутников завершилась до строительства зданий внутри крепости. Я уже имел возможность высказать предположение, что его роль свелась преимущественно к проектированию крепости и перенесению плана на местность. От моего предположения о том, что Петрона наблюдал и за всем ходом строительства, следует отказаться [Флёров 2001а, 68]. В лучшем случае он руководил только его началом.

М. И. Артамонов предполагал появление кирпичного строительства в Хазарии в досаркельское время [Артамонов 1959, 7], с чем я полностью согласен. Вопрос в том, откуда были заимствованы идея создания кирпичных крепостей и формат кирпича? Эта тема требует серьезного исследования. Что касается моего предварительного мнения, то ближайшим и вполне доступным хазарам для ознакомления был Байлакан — городище Орен-Кала в Азербайджане. В нём, наряду с другими, широко использовались кирпичи размерами 24×24; 26×26; 27×27, 28×28 см при толщине в 5 см (данные из: [Иессен 1959; Минкевич-Мустафаева 1959]). Кроме того, нельзя не обратить внимание и на *квадратный* план Орен-Калы [Иессен 1959, 54]. Различие с Семикаракорями только в расположении цитадели — в Орен-Кале она примыкает к одному из углов крепости.

Таким образом, в Семикаракорях и Саркеле представлены как южные, закавказские, так и византийские и крымские строительные приёмы и технологии.

Касаясь общей проблемы хронологии кирпичного и сырцового строительства в Хазарии, мы должны помнить, что обеим крепостям предшествовал Итиль. Не исключено, что кирпич указанных форматов нашел применение сначала в нём и лишь позднее в Семикаракорях, а затем и Саркеле.

В заключение раздела хочу заметить, что при всём археологическом значении Семикаракорской крепости не следует преувеличивать её значение для нижнедонского региона самого Хазарского каганата. Как и Саркел, она могла контролировать лишь окрестности. При значительных военных конфликтах противник мог беспрепятственно обойти её, не теряя времени на штурм. Поражение полевых войск обрекало обе крепости на неминуемую сдачу. Самым лучшим выходом для гарнизона было вовремя покинуть крепость, которая неизбежно становилась

⁴ Гадать об абсолютной дате строительства и времени существования крепости бессмысленно. Она может быть установлена в ходе последующих раскопок. Что касается «вопроса о сосуществовании с Саркелом и, возможно, об одновременном падении, то для установления этого прежде всего необходимо тщательное сравнение местной керамики обоих памятников и импортированной — амфорной и пр. Можно надеяться и на будущие находки монет в Семикаракорях, что очень возможно».

⁵ Чрезвычайно признателен Александру Германовичу Герцену, давшему мне (во время Второй коллоквиума «Хазары», 2002 г.) ценные консультации по крепостям Крыма.

ловушкой. Кажется, это и случилось — в крепости найдены поспешно сделанные захоронения погибших, в том числе детей [Флёров 2001а, рис. 6, 7].

Эти крепости были сильны, пока была велика мощь каганата и, конечно, военные власти, они же и администрация каганата, не могли не ценить эти опорные пункты. Я полностью разделяю критический отзыв М. И. Артамонова по поводу мнения (С. А. Плетнёва придерживается его и позднее) о том, что стены Саркела начали разбирать на кирпичи, едва они были возведены [Артамонов 1959, 7]. Стоило ли идти на громадные затраты и обращаться к Византии, чтобы относиться к новой крепости с таким небрежением! Полагаю, не менее берегли Семикаракорскую крепость, только для стен которой пришлось изготовить не менее 2 миллионов сырцовых кирпичей. Вероятно, несколько десятков (если не сотен) тысяч обожженных кирпичей ушло на постройки внутри крепости.

Есть ещё одна тема, которой я коснусь далее, — находки кирпичей в крепостях, не имевших кирпичных построек.

* * *

Перейдём к каменным крепостям Нижнего Дона. Достоверно зафиксированных на сегодня две — рядом расположенные Правобережное Цимлянское и Камышевское городища. Информация о них опубликована, и затрону лишь отдельные связанные с ними вопросы.

Правобережная Цимлянская крепость. Единственная среди каменных крепостей бассейна Дона, чей план, благодаря Ивану Сацыперову, известен в деталях [Флёров 1995, 453—462; 1996, 101, 104 — примеч. 4; Коршиков, Миненков 1999]⁶.

Правобережная Цимлянская крепость строилась в самом начале IX в. (не исключен и конец VIII в.), то есть ранее Саркела [Флёров 1995, 487]⁷. По фортификации она может быть признана самой совершенной из хазарских: стены в 4,20 м толщиной, восемь башен, трёхчастное деление. Не исключаю, что в её сооружении также принимали участие византийские фортификаторы. Во всяком случае, влияние их несомненно. Достаточно сравнить Правобережную крепость с более простыми и без башен известной Маяцкой или Верхне-Ольшанской [Флёров 1994] крепостями, чьи планы — квадратные — напоминают Семикаракоры. Подчеркну, что при всей заманчивости мы не располагаем прямыми данными о непосредственном участии византийцев в строительстве. А ведь их присутствие в Саркеле зафиксировано не только письменными источниками, но и археологическими данными — найдены привезённые ими архитектурные детали!

⁶ Мною опубликована копия плана И. Сацыперова, хранящаяся в Таганрогском музее. Не будучи археологами, первую публикацию оригинала плана и текста «Дела Ивана Сацыперова» из РГАДА осуществили Н. С. Коршиков и Н. А. Миненков (Ростовский университет), чем оказали хазароведению громадную услугу. Оказалось, что таганрогская копия достаточно точна и отличается лишь мелкими деталями. Происхождение ее мне неизвестно. Планы крепости в публикации М. И. Артамонова, а за ним С. А. Плетневой, нуждаются в критическом подходе.

⁷ В публикации П. А. Ларенка (1999, рис 3) перепечатан план Правобережного городища «по А. Плетнёвой» [Плетнёва 1995, 338, рис. 1]. Я уже неоднократно указывал, что на нём искажены чертания «раскопа В.С. Флёрова». Этот же неверный план воспроизведён С. А. Плетнёвой позднее в «Черках хазарской археологии» на рис. 79. Ещё раз прошу пользоваться планами: [Флёров 1995, 492, рис. 1, 2 или Флёров 1991, 102, рис. 2].
Что касается горизонталей на планах С. А. Плетнёвой, то они выполнены в моей экспедиции, то есть фиксируют ситуацию не на 1958—1959 гг., а на 1988 г. Исследовательница почему-то не нашла необходимых на это указать.

При том, что в фортификации крепости применены только блоки (в том числе редко встречающиеся из ракушечника), а население обитало исключительно в юртообразных жилищах, в крепости были немногочисленные сооружения из сырцового кирпича. Сохранились они плохо, и говорить о том, что в крепости строились «крепкие стационарные здания из сырцового кирпича» [Плетнёва 1983: 283] преждевременно. Важнее другое. Обнаруженные кладки состояли из сырцовых отнюдь не семикаракорских типов, а имели размеры $40 \times 20 \times 10$ см в кладке, обнаруженной С. А. Плетнёвой [Плетнёва 1995, 279] и $37 \times 35 \times 8,5$; $36 \times 36 \times 9$; $136 \times 35 \times 8$; $35 \times 35 \times 8$; $35 \times 35 \times 6,6$ см из моих раскопок [Флёров 1995, 453]. Размеры эти надо признать более архаичными, что указывает новое направление в поисках основ донского сырцово-кирпичного строительства.

В связи с находками в Правобережной крепости черепицы (калитеров и керамида) М. И. Артамонов [Артамонов 1962, 320] предположил, что она, как и кирпичи, могла доставляться из Семикаракорской крепости. Действительно, Семикаракоры — единственное место на Нижнем Дону, где черепица применялась, как показали мои раскопки 1971—1974 гг., в большом количестве. Тем самым гипотеза М. И. Артамонова не кажется невероятной. Мы получаем возможность ставить вопрос если не о полной синхронности удалённых более чем на 100 км крепостей, то о незначительном хиатусе между ними. Имеющиеся археологические данные этому не противоречат. В связи с этим вернёмся к одной задаче Семикаракорского городища.

Донской историк В.М. Пудавов, сообщивший достоверные и подтвержденные моими раскопками сведения (доверять ему можно: [Пудавов 1890]), упоминает о больших тёсаных камнях по обоим берегам и в воде протоки (речка Сусатка), на которой стоит Семикаракорская крепость. Указание «тёсаные» заставляет видеть в этих «камнях» блоки, аналогичные правобережным цимлянским. В ходе четырех полевых сезонов мы не увидели ни одного блока ни в крепости, ни рядом (мысль В. М. Пудавова о каменном мосте, конечно, принять всерьез нельзя). Вероятно, позднее они были растащены местными жителями. Так откуда же они все-таки появились в кирпичной крепости? Не могли ли они быть привезенными действительно из Правобережной крепости в обмен на кирпичи и черепицу, о которых пишет М. И. Артамонов? Это моё предположение весьма ненадёжно и лишь призвано обратить внимание на проблему общения между крепостями.

Камышевское городище. Расположено примерно в 1 км севернее Правобережного Цимлянского и открыто случайно в 1991(?) г. краеведом В. Х. Хажилловым (1997) по обнаружившимся в береговом обрыве Цимлянского водохранилища белокаменным блокам.

Первая публикация содержит ещё мало сведений о памятнике [Ларенок, Семёнов 1999]. Самое ценное в ней — фотографии, показывающие, что каменные стены здесь сохранились в виде небольших фрагментов нижних слоев кладки, как и на Правобережном Цимлянском городище. Вероятно, к XVIII в. крепостные сооружения уже не просматривались (в отличие Правобережного Цимлянского городища) иначе как объяснить, почему они не заинтересовали И. Сацыперова, целью которого и был поиск пригодных для переиспользования строительных материалов.

Крепость занимала треугольную площадку длиной около 400 м, обращенную основанием шириной около 180 м к Дону (теперь к Цимлянскому водохранилищу). Но размеры самой крепости, толщина стен и наличие башен пока не установлены, и сравнивать её с Правобережной нет возможности. Из публикуемых

фотографий ясно только то, что обе крепости построены в одной технике — кладка из блоков.

Открытие большой белокаменной крепости в километре от Правобережной существенно меняет наши представления о крепостном строительстве в цимлянском микрорегионе и, как верно отметил П. А. Ларенок, «оно заметно обесценивает ряд гипотез и дискуссий о ... соотношении двух известных прежде городищ (Левобережного и Правобережного)» [Ларенок 1999, 31]⁸. Поражает не само открытие нового памятника, а расположение двух достаточно больших (естественно, по масштабам Хазарского каганата) крепостей на расстоянии, преодолеваемом за четверть часа пешего хода. Конечно, возникает вопрос об их сосуществовании, но ответ на него дадут только будущие раскопки. Во всяком случае, в бассейне Дона нет другой пары столь близко расположенных каменных крепостей.

Особо следует сказать о совершенно неприемлемом желании П. А. Ларенка закрепить за открытым памятником название «саркел-3» [Ларенок 2001, 94]. Непопустимо переносить историческое название известного памятника на какие-либо другие [Флёров 2001а, 69]. Ведь многократно высказывавшиеся мнения о том, что под этим названием надо понимать комплекс в составе самого Саркела и Правобережного городища (по Ларенку — «саркел-2»), не более чем мнения. С древности и по новое время каждое укрепление любого типа — башня, бастион, форт — имело собственное имя.

По названию балки, зафиксированной ещё И. Сацыперовым, — Камышевская, на краю которой стоит городище, я предложил и наименовать его «Камышевское», так как других близко расположенных пунктов со старыми названиями здесь нет. На этом наименовании я не настаиваю, но «саркел-3», помимо исторической необоснованности, внесёт и путаницу в номенклатуру цимлянских городищ⁹.

⁸ По поводу поспешных гипотез. Совершенно недавно я писал: «... дальнейшие раскопки и изучение всего процесса крепостного строительства на Нижнем Дону преподнесут немало сюрпризов и непременно опровергнут любые тенденциозные построения. Особая осторожность необходима при очень вероятных попытках связать строительство или разрушение крепости (Семикаракорской) с «венгерским фактором». Такой неудачный пример мы уже имеем с Правобережным Цимлянским городищем, археологические данные по которому историк К. Цукерман «исправляет» в соответствии с собственными представлениями о хазаро-венгерских отношениях [Цукерман 1998]» [Флёров 2001а, 69]. С раскопками П. А. Ларенка французскому историку придется «построить» против венгров ещё одну крепость — Камышевскую. Я ни в коей мере не хочу принизить значение хазаро-венгерских отношений, но связать их с конкретными археологическими артефактами пока, к сожалению, нет возможности.

Совершенно абсурдную версию предложил другой современный автор из Израиля М. Гольденман (М. Богачек): Правобережная Цимлянская крепость основывается в 570-х годах как пограничный пункт тюрков [Goldelman 1998—1999]. В этой публикации много и других несуразностей, появление которых вызвано абсолютным игнорированием выводов археологов: материалов VI в. на Правобережном городище просто нет, как и на Камышевском к стати, о чём П. А. Ларенок не преминул бы сообщить.

⁹ Весьма забавным будет с открытием ещё одной крепости вслед за «саркелом, саркелом, ещё саркелом...» получить «саркел-4». Попутно сообщу о переименовании по инициативе местных властей в начале 90-х гг. XX в. поселка Цимлянского винсовхоза в пос. Саркел в память затопленной водохранилищем крепости. Мотивы решения понять можно, но будущим историкам оно может принести немало хлопот. Сегодня же описание месторасположения нового памятника может выглядеть примерно так: городище «Саркел-3» расположено севернее поселка Саркел, бывшего поселка винсовхоза Цимлянский, и в семи километрах западнее городища Саркел-1, то есть Саркела, известного по раскопкам М. И. Артамонова.

Кроме того, с принятием версии П. А. Ларенка к уже ставшему историческим названию «Правобережное городище» необходимо будет добавлять «саркел-2». Воспринимать всё это будет особенно сложно для зарубежных читателей, давно усвоивших, что есть Саркел и Правобережное городище. От отечественных же археологов ко мне уже поступали недоуменные вопросы.

От дальнейших раскопок Камышевского городища, разрушаемого, как и Правобережное, Цимлянским водохранилищем, следует ожидать очень многого. Будут ли они продолжены П. А. Ларенком, высказавшем заботу о судьбе соседнего Правобережного, или он «перенесёт работы» на другие памятники [Ларенок, Семёнов 1999, 32]?

* * *

Саркел и Семикаракоры, Правобережная Цимлянская и Камышевская крепости — это всё памятники крепостного строительства Нижнего Дона, о которых мы сегодня располагаем, хотя и разной по объёму, но достаточно определённой информацией. О следующих городищах — Крымские, Золотовское, Карповское — известно значительно меньше.

Крымские городища. Расположены при устье Северского Донца на правом берегу полноводной протоки с названием Сухой Донец. Памятник известен давно (библиографию см.: [Савченко 1986, 70]), но остаётся слабо исследованным, в отличие от расположенного рядом могильника, раскопанного Е. И. Савченко. Публикации плана памятника мне не известны, хотя они снимались. Городище было два, но в собранной информации не всегда можно различить, о каком идёт речь. К тому же при городищах были и поселения.

Более ясна информация об одном. Его размеры примерно 200×200 м, защищено оврагами и рвом. В. М. Пудавов сообщает о виденных им здесь вероятно кладках из «тёсаных камней», напомнивших ему «античные мостовые» и «стены зданий». Есть информация о тёсаных камнях даже с «рисунками». Посещавшие городище в более позднее время археологи их уже не застали. Ситуация аналогична семикаракорской.

Для нашей темы важно отсутствие каких-либо упоминаний на Крымских городищах остатков каменных или кирпичных *регулярных* фортификационных сооружений. Кирпичи найдены, но их первоначальная принадлежность к фортификации неясна.

Вне крепости под одним развалом кирпичей открыта гончарная печь, сложенная из сырцовых.

Вероятно, Крымский комплекс относится к земляным городищам, во всяком случае, одно из городищ. Сообщение же В. М. Пудавова нуждается в уточнении раскопками. Но совершенно определено можно говорить о том, что подходы к Крымским городищам были защищены сетью оврагов. Тут же следует указать, что городища отстояли от Дона на значительном удалении (опять вспомним Семикаракорскую крепость, стоящую в стороне от него).

Е. В. Савченко датировал основание Крымского могильника серединой VIII в. Это не противоречит и найденным им же на поселении рядом с городищами юртообразным постройкам [Флёров 1993, 9, 69, рис. 2], аналогии которым представлены на Правобережном Цимлянском городище. Юртообразные жилища пока являются единственным связующим звеном между этими городищами, не считая «тёсаных блоков». Кроме того, найдены и наземные жилища. Говорить о хронологическом соотношении Крымского комплекса с близлежащим предполагаемым Золотовским городищем сегодня также не представляется возможным. Мало того, остаётся не установленным, какое из двух Крымских городищ является старшим.

Золотовское городище. Расположено на острове Куркин при впадении Северского Донца в Дон, в 16 км выше по течению Семикаракорской крепости

Памятник известен с XIX в., но исследование его только начато. План памятника не установлен, а предварительные публикации [Краесветный, 2000; 2001] ещё не дают о нём ясного представления.

Из имеющейся информации выделяю главное.

— Представлен слабо выраженный слой с салтово-маяцкой керамикой, с которыми связаны кирпичные «сооружения» (какие — не установлено). Один из кирпичей — 27×27×5 см. Крепостные стены из такого кирпича на острове не зафиксированы. Таким образом, корректнее будет говорить не о сооружениях, а просто о находках кирпичей.

— Оборонительная система, по мнению Краесветного, создаётся позднее, в XII в., к которому он относит стены панцирного типа, сложенные из необработанного песчаника, ширина их 3 м. В забутовке использованы и обломки кирпичей. Тип и размеры этой поздней крепости или оборонительной линии, башни — не установлены.

Таким образом, наличие на о. Куркин крепости эпохи Хазарского каганата остаётся под вопросом, а хронология каменной крепости беловежского времени, вероятно, будет уточняться. Нужны многолетние раскопки. Возможно, кирпичи относятся к хазарской эпохе. При этом пока можно говорить не о кирпичной крепости, а лишь о самом факте находок кирпичей.

Карповское городище. В старых изданиях можно встретить упоминание об этом сегодня неизвестном памятнике, расположенном западнее Семикаракорского. Городище было окружено ярко выраженными *рвами* и *валами*. К памятникам хазарской эпохи я отношу его лишь предположительно и с целью обратить на него внимание местных археологов хотя бы потому, что и Саркел был окружен *рвом*. Найти его весьма желательно прежде всего для точной атрибуции.

* * *

Итак, в долине Дона сегодня известны две белокаменные крепости с регулярной кладкой из блоков известняка — Правобережная Цимлянская и Камышевская, Семикаракорская из сырцового кирпича с использованием обожжённого и кирпичный Саркел. Если не как о крепостях, то как об укреплённом районе можно говорить об устье Северского Донца с его Крымскими городищами и Золотовском памятнике на о. Куркин, под вопросом Карповское. Не мало это для столь обширного района вдоль важнейшей водной артерии Хазарского каганата, на которой он господствовал с конца VII и по конец X в.? И можно ли ставить вопрос о том, что только они составляли ту систему контроля над долиной Дона, вопрос о которой поставлен вначале? Безусловно нет, даже если к ним присоединить упоминаемый М. И. Артамоновым «кольцевой вал» у станицы Мелеховской и ряд других неясных сведений. К последним надо отнести и «каменные стены» в устье Северского Донца.

«Обнажёнными» остаются низовья Дона, дельта. Поиск городищ здесь необходимо целенаправленно продолжать, так как, по имеющимся разрозненным данным, эти районы были плотно заселены в хазарское время. Конечно, приходится учитывать, что поздняя и современная расширяющаяся застройка скрыли многие следы исторической раннесредневековой.

Полагаю, что городища и укрепления хазарского времени могут быть выявлены на высоких и крутых берегах долины Дона между городами Новочеркасск и

Ростов, а также далее на запад вдоль берега Мертвого Донца (северное русло дельты Дона). Не меньшего внимания заслуживает и южная сторона дельты, где раскинулся город Азов, находки материалов салтово-маяцкой культуры в котором не редкость (благодарю сотрудника Азовского музея Н. М. Фомичева за консультации). Совершенно нельзя исключать, что городища могут быть скрыты и непосредственно в дельте.

В связи с поставленным вопросом привожу удивительный пример прогнозирования местонахождений городищ в конце XIX в. Ю. Проценко (его биография мне, к сожалению, неизвестна) в связи с дискуссией о местонахождении Саркела. Привожу с сокращениями: «При допущении ... существования ... Хазарско-Манычского пути не отыскать наиболее вероятного местоположения хазарской крепости Саркела. Подобная крепость, видимо, должна была защищать водяной путь по Манычу...». Оставим в стороне завершённую дискуссию о местоположении Саркела. Для нас важна постановка вопроса о возможном нахождении хазарских крепостей в устьях крупнейших левых (южных) притоков Дона — рек Сала и Маныча, вдоль дороги, которая далее по Егорлыку (успешные разведки А. В. Гадло) вела в Центральное Предкавказье и верховья Кубани к Хумаринской крепости. Поиск городища в низовьях Маныча необходим, тем более что имеются сведения о городище вдоль его течения у станицы Великокняжеской (пока ещё г. Пролетарск Ростовской области). Из Великокняжеской происходят обожжённые кирпичи, что, впрочем, ещё не является прямым свидетельством существования кирпичной крепости. Что касается р. Сал, то есть сведения о городище у слободы Мартыновской. Поиск этих памятников не так уж бесперспективен, как кажется.

Ю. Проценко продолжает: «Для того же, чтобы защищать какой-либо путь опытом человеческим дознаю, что всего практичнее для этого расположить крепость не столько на самом пути, сколько скорее в стороне от него, но на таком пункте, который неприятель проминовать не может. Для такой местности вполне удовлетворяет устье р. Сал ... всего вероятнее на левой стороне Сала в углу между Салом и Доном» [Проценко 1882]. Надо полагать, что Ю. Проценко не знал, что сведения о городище в этом месте — Семикаракорском — уже имелись. Тем более они блестяще подтвердили логику автора! От нас же его опыт прогнозирования требует задуматься ещё над рядом проблем. Во-первых, необходимо внимательно исследовать устья всех рек, даже небольших, впадающих в Дон. В частности, правых небольших притоков Дона — Кумшака и Кагальника (между Цимлянским водохранилищем и Северским Донцом; см. карту). Обращаю внимание, что Правобережная, Камышевская и Саркел привязаны к устью небольшой реки Цымлы. Во-вторых, наводит на мысль о необходимости более тщательного обследования окрестности Семикаракорской крепости, в том числе и правобережья Дона против устья Сала, а также высокого правого берега Дона, вверх и вниз по течению. Всё это, по выражению Ю. Проценко, было бы «полезно для науки». Так, имеются упомянутые данные о каком-то укреплении в районе станицы Мелеховской. Заслуживают внимания и многочисленные острова в русле Дона.

Весьма вероятно, что полезными в будущих поисках могут оказаться сведения о казачьих городках. Для каких-то из них могли быть использованы древние укрепления. Хотя это не относится к Дону, но приведу сведения ростовского историка о том, что на р. Бузулуке был городок КОЗАРИН, а на Хопре — городок КАСАРКА [Королев 1999, 10]. Совпадения или всё-таки есть историческая подоснова? Находились эти городки не так уж далеко от цимлянских городищ.

сведениям В. Н. Королева добавлю, что упомянутая слобода Мартыновка когда-то называлась «ГОРОДИЩЕНСКОЙ».

Вынужден упомянуть и о неясном местонахождении «Золотые горки», которое П. А. Ларенок причисляет к городищам [Ларенок 2001, 91—92]. Памятник, по его информации, раскапывался без Открытого листа в 1986—1987 гг. Б. А. Раевым, не представившим отчета, что делает невозможной оценку результатов раскопок (при том, что экспедиция была Новочеркасской, «сохранившаяся (?) часть коллекции» поступила в музей г. Таганрога). П. А. Ларенок пишет о прослеженных на «городище» остатках стен шириной до 2 м, сложенных из рваных известняковых плитчатых камней.

Благодаря любезности П. А. Ларенка, я ознакомился с хранящимися у него полевыми чертежами и несколькими фотографиями раскопок «Золотых горок». Могу сообщить только впечатления от них. О крепостных стенах говорить, пожалуй, преждевременно. Представлена не очень густая россыпь небольших рваных камней. Вскрыта она на весьма небольшом протяжении. Судить о её происхождении мне трудно, но (sic!) здесь совершенно нет мощных развалов руинированных крепостных стен. На последнее я обратил внимание П. А. Ларенка.

Типологически «Золотые горки» пока ещё определить невозможно. Местонахождение требует уточняющих исследований, которые, кажется, будут продолжены ростовскими археологами, что, вероятно, внесёт некоторую ясность.

* * *

В связи с формированием системы крепостей Нижнего Дона следует обратить внимание на сочетания строительных материалов, которым до настоящего времени не придавали значения, а они чрезвычайно важны для разработки относительной хронологии каменного, сырцового и кирпичного строительства (не только в рассматриваемом регионе Хазарии). Имеется в виду обнаружение в крепостях немногочисленных «непрофильных» для них строительных материалов. Не претендуя на полный обзор, рассмотрим некоторые характерные случаи.

На Семикаракорском городище, где абсолютно преобладал сырцовый кирпич, были зафиксированы «тёсаные блоки». Происхождение их неизвестно, но эти находки со всей очевидностью свидетельствуют о сосуществовании сырцового строительства с каменным типа правобережно-камышевского. Интересно, что на Семикаракорях блоки обнаружены вне крепости, что позволяет предположить подвоз их сюда, когда крепость какое-то время уже существовала.

Блоки упоминаются и на Крымских городищах, земляных (?), что намечает ещё одну связь между различными строительными традициями. Здесь же найдены и обожженные, и сырцовые кирпичи. Предстоит еще установить, изготовлялись ли обожженные кирпичи на месте или доставлялись из ближайшего Семикаракорского городища.

На Правобережном Цимлянском городище многочисленны находки черепицы семикаракорских типов (чрезвычайно интересно, есть ли черепица на Камышевском городище?). Но здесь и кирпичи из Саркела (только ли из него?). Кроме того, на Правобережном в небольшом количестве найдены и прямоугольные гладкие плитки, появление которых здесь пока никто не пытался объяснить. Вспомогательными являются более ранние плитки Кубани, но правомерна ли такая ассоциация — не знаю.

Ещё более важны находки на Правобережном Цимлянском городище архаических большемерных сырцовых кирпичей. В крепости они использовались не для крепостных фортификационных сооружений, но нам важен сам факт умения её населения изготавливать сырцы. Крупные кирпичи не представлены в Саркеле. Но настоятельно обращаем внимание на то, что на Семикаракорском городище при абсолютном преобладании сырцов и обожженных кирпичей со средними параметрами 25×25×5 см нередко встречаются кирпичи гораздо больших размеров, вплоть до 45×45 см. Толщина многих обломков достигала 7—8 см. Около башни на северной стене крепости (в квадрате 62) обнаружен «обрывок» не связанной с нею отдельной кладки из сырцов размером 30×30 см [Флёров 2001а, 61, рис. 5]. Большеформатные сырцовые кирпичи значительно расширяют возможности для поиска истоков хазарской фортификации в упоминавшемся южном, закавказском направлении, но, возможно, и в сторону Средней Азии. Попутно отмечу, что ни в одной донской крепости не зафиксированы глиняные сырцовые блоки, преваляровавшие в крепостном строительстве Дагестана, что лишний раз заставляет вспомнить М. И. Артамонова: «...культура хазарского времени в северном Дагестане, где хазары исторически засвидетельствованы очень прочно, не имеет [с культурой Саркела] ничего общего» [Артамонов 1959, 8].

Сочетание разных строительных материалов (сырцовые, обожженные кирпичи и блоки) зафиксировано на Крымском комплексе. Какие из них профильные для него, покажет будущее.

Перечисленные связи по видам строительных материалов наверняка отражают непрерывность процесса крепостного строительства на Нижнем Дону. Если исходить из гипотезы о хотя бы временном сосуществовании Семикаракорской и Правобережной крепостей (вместе они предшествуют Саркелу), то решить сегодня, какой строительный материал (каменные блоки или сырцы и кирпичи) начали применять в широких масштабах раньше, при нынешних знаниях не представляется возможным. Дело связано уже с общими проблемами хронологии салтово-маяцкой культуры, в первую очередь керамики — основного материала, получаемого при раскопках городищ. По самым общим впечатлениям, на каком-то этапе каменное (из блоков) и кирпичное строительство велось одновременно.

И теперь, после краткого освещения археологической ситуации, можно вернуться к историческим проблемам. Во-первых, для меня представляется совершенно ясным то положение, что сегодня мы не в состоянии связать строительство какой-либо конкретной из крепостей Нижнего Дона с определённым военным или политическим событием в истории каганата. И это положение будет сохраняться до той поры, пока более или менее уверенно не будут решены вопросы становления строительной технологии, а крепости не получат хотя бы относительной хронологии. Что касается последней, то некоторая уверенность есть лишь в отношении Семикаракор и Правобережного Цимлянского.

Во-вторых, эта неопределённость заставляет отложить приемлемое решение вопроса о западной границе домена каганов на неопределённое будущее. Позволю себе вообще поставить под сомнение неременную связь так называемого домена каганов с какими-либо крепостями. Наличие такой связи не доказано. Не миф ли это, постепенно превратившийся в «факт»?

В-третьих, следует категорически отказаться от попыток увязывать строительство любой крепости непременно с внешнеполитическими событиями лишь только потому, что не знаем более важного — внутренней жизни каганата.

Даже с учетом «белых пятен» весьма заметно, что определённая система в расположении городищ на Нижнем Дону существовала. Они сосредоточивались в узловых местах (пример: слияния Северского Донца и Сала с Доном). Расположение городищ вдоль Дона надо связывать с охраной не водного пути, а дороги вдоль Дона. О судоходстве хазар ничего не известно.

Позволю поставить вопрос и о переоценке назначения крепостей. Может быть, лишь некоторые крепости выполняли, кроме военной, преимущественно функцию административных центров. Но и, помимо последней, они должны были обслуживать различные экономические (кроме торговых) потребности. Другими словами, нижнедонские крепости каганата, лежавшие отнюдь не в приграничье, были полифункциональны. Конкретизировать это положение призваны раскопки не только самих городищ, но и расположенных рядом поселений. Именно поселения могут дать те материалы, которые помогут определить назначение крепости, у подножия стен которой они простирались. Это относится и к крепостям по притокам Нижнего Дона.

В заключение отмечу, что проблем в изучении нижнедонских крепостей оказалось гораздо больше, чем казалось ещё совсем недавно, лет 30 назад. На первых же порах необходимо составить их реестр, то есть продолжить работу, начатую П. А. Ларенком.

Литература

- Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 131.
- Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.
- Артамонов М. И. От редактора // МИА. 1959. № 75.
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- Вакалинов Ст. Формиране на старобългарската култура VI—XI век. София: Наука и изкуство, 1977.
- Исеевн А. А. Городище Орен-Кала // МИА. 1959. № 67.
- Королев Н. Н. Донские казачьи городки // Донская археология. 1999. № 1.
- Коршиков Н. С., Миненков Н. А. Новые документы о Правобережном Цимлянском городище // Донская археология. 1999. № 1.
- Краесветный М. И. Работы Новочеркасского исторического комитета // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000.
- Краесветный М. И. Работы Новочеркасского исторического комитета на Золотовском городище в 1999—2000 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999—2000 гг. Азов, 2001.
- Ларенок П. А., Семёнов А. И. Саркел, Саркел, ещё Саркел... // Донская археология. 1999. № 3—4.
- Ларенок П. А. Хазария и Нижний Дон // Северный Кавказ и кочевой мир степей Хазарии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тез. докладов. Ставрополь, 2001.
- Лялушкин И. И. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. 1940. Вып. IV.
- Лялушкин И. И. Археологические памятники в зоне затопления Цимлянского водохранилища // МИА. 1958. № 62.
- Лялушкин И. И. Карнауховское поселение // МИА. 1958. № 62.

- Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки на городской стене Орен-Кала (раскоп II) // МИА. 1959. № 67.
- Ниуменко В. Е. Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в IX в. в связи с учреждением и становлением византийской фемы в Таврике // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докладов. Харьков, 1997.
- Плетнёва С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958—1959 гг. / МАИЭТ. Симферополь, 1995. Вып. IV.
- Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М., 1999.
- Попов Х. И. Где находилась хазарская крепость Саркел? // — Тр. IX Археологического съезда. Т. 1. М., 1895.
- Продолжатель Феофана. СПб.: Наука, 1992.
- Проценко Ю. О полезности для науки археологического обследования местности по р. Сал — левому притоку Нижнего Дона // V Археологический съезд. Труды предварительных комитетов. М., 1882.
- Пугавов В. М. История Войска Донского и старобытность начал казачества. Вып. 1. Новочеркасск, 1890.
- Равич И. Г., Флёров Н. С. Горячекованные высокооловянные восточные бронзы на территории Хазари // РА. 2000. № 3.
- Рашев Р. Прабългарите и българското ханство на Дунав. София, 2001.
- Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М., 1986.
- Сизов В. И. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону // Тр. VI Археологического съезда. Т. IV. Одесса, 1899.
- Флёров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1993.
- Флёров В. С. Верхне-Ольшанское городище и проблема методики раскопок белокаменных крепостей салтово-маяцкой культуры // Историко-культурное наследие. Памятники археологии центральной России: охранное изучение и музеефикация (материалы научной конференции). Рязань, 1994.
- Флёров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987—1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1995. Вып. IV.
- Флёров И. С. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. № 1. 1996.
- а) Флёров В. С. «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2001. № 2.
- б) Флёров В. С. Черепица крымского образца в Хазарии // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001.
- Флёрова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX—XII: искусство и ремесло. По материалам Саркела — Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001.
- Хажиллов В. А. От экологии Донского края до экологии Вселенной. Палеонтологические и археологические изыскания на территории города Волгодовска и Цимлянского района. Цимлянск (Ростовская обл.), 1997.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии около 836—889 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Чангова Й. Търговски помещения край южната стена в Преслав // ИАИ. 1957. XXI.
- Goldeman M. On the location of the khazarian citi of al-Bayda // Archivum eurasiac medii aevi. 10 (1998—1999) / Harrassowitz Verlag.

